

12+

Александр Мгин

*Тритчи
о девяти
кумалаках*

Мир тоғыз кумалака

Александр Игин

**Притчи о девяти кумалаках.
Мир тогыз кумалака**

«Издательские решения»

Игин А.

Притчи о девяти кумалаках. Мир тогыз кумалака / А. Игин —
«Издательские решения»,

Тогыз кумалак — не просто игра. Это разговор земли и неба, воды и памяти. Девять притч о девяти кумалаках. О первом камне, о лунке, о проигрыше, о том, почему кумалаки тёплые. Духи степи — Жезтырнак, Мыстан кемпир, аруахи, пери, Су анасы — не монстры, а соседи. Они ждут, когда кто-нибудь сыграет. Не чтобы выиграть. Чтобы вспомнить. Вода ушла, но может вернуться. Память жива, пока стучат кумалаки. Для всех, кто слышит зов степи. Книга продолжает серию «Мир тогыз кумалака».

© Игин А.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие. Девять кумалаков, которые не остыли	6
Притча первая. О первом кумалаке	8
Притча вторая. О первой лунке	9
Притча третья. О том, почему девять	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Притчи о девяти кумалаках Мир тогыз кумалака

Александр Игин

© Александр Игин, 2026

ISBN 978-5-0071-4611-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие. Девять кумалаков, которые не остыли

1

Есть книги, которые читают. Есть книги, которые изучают. А есть книги, которые **вспоминают**. Эту книгу не нужно читать подряд. Не нужно глотать страницу за страницей. Она — как тогыз кумалак. Как игра. Ты садишься. Ты берёшь кумалак. Ты делаешь ход. Тук. Потом ещё. Тук. Потом ещё. Тук. И вода идёт. Медленно. Как время. Как жизнь. Как память.

Я не писал эту книгу. Я **вспоминал** её. Вспоминал то, чего не знал. Вспоминал то, что чувствовал. Вспоминал то, что степь говорила мне, когда я сидел у сухого арыка. Я не учитель. Я не пророк. Я не хранитель. Я просто человек, который помнит. Который пишет. Который играет. Который ждёт.

2

Притча — это не сказка. Сказка говорит образами. Притча говорит **сжато**. Она — как кумалак. Маленькая. Тёплая. А в ней — целый мир. Один ход. Одна мысль. Одна память. Притча не объясняет. Она **показывает**. Не «делай так». А «смотри». Не «думай». А «вспомни».

Я долго искал притчи о тогыз кумалаке. Я искал в книгах. В интернете. В разговорах стариков. Я не нашёл. Ни одной. Ни пословицы. Ни поговорки. Ни притчи. Ни сказки. Только правила. Только ходы. Только комбинации. Тогыз кумалак стоял посреди степи, как сухой арык. Вода была. Но она не шла. Она стояла. Тёмная. Тихая. Как глаз, который не мигает.

Тогда я начал писать. Не учебник. Не энциклопедию. Не сборник задач. Я начал писать **притчи**. Потому что притча — это не выдумка. Притча — это память, которая нашла форму. Это вода, которая нашла трещину. Это игра, которая нашла игрока.

3

Девять притч. Девять кумалаков. Девять лунок. Девять миров.

Первая — о первом кумалаке. О том, как степь родила камень. Как вода согрела его. Как ветер научил стучать. О том, что игра началась не с правил. А с тепла. С ладони. С памяти.

Вторая — о первой лунке. О пустоте, которая нужна, чтобы вода пришла. О земле, которая открывается. О ладони, которая принимает. О том, что пустота — это не отсутствие. Это ожидание.

Третья — о том, почему девять. О числе, которое не случайно. О полноте, которая не жадность. О круге, который не кончается. О том, что девять — это дыхание. Это жизнь. Это мы.

Четвёртая — о первом проигрыше. О проигрыше, который не поражение. О жертве, которая нужна, чтобы вода пошла. О том, что иногда нужно отдать, чтобы получить. О том, что проигрыш — это ход. Может, самый важный.

Пятая — о том, почему кумалаки тёплые. О тепле, которое не от солнца. О тепле, которое от рук. От дыхания. От памяти. О том, что кумалак в руке — это не камень. Это ладонь бабушки. Это дыхание деда. Это жизнь, которая не остыла.

Шестая — о том, почему нельзя ходить назад. О воде, которая не течёт вспять. О времени, которое не возвращается. О памяти, которая не отменяет боль, но превращает её в дождь. О том, что назад — это не запрет. Это невозможность. Потому что вода уже утекла. Но она вернётся. Дождём. Не тем же путём. Но вернётся.

Седьмая — о том, почему одна лунка всегда пустая. О пустоте, которая не отсутствие. О лунке, которая не забыта. О месте, которое оставлено. Для воды, которая ещё не пришла. Для памяти, которая ещё не родилась. Для жизни, которая ещё не началась.

Восьмая — о том, почему вода уходит. О воде, которая не уходит, а ждёт. Вглубь. В темноту. В тишину. Потому что люди забыли. Перестали играть. Перестали называть имена. Перестали помнить. О том, что вода вернётся. Дождём. Не тем же путём. Но вернётся.

Девятая — о том, почему игра не кончается. О деде, который умер, но остался. О внуке, который вырос, но помнит. О кумалаке, который тёплый. О лунке, которая пустая. О воде, которая идёт. О жизни, которая продолжается.

4

Это не просто притчи. Это **ходы**. Каждая притча — это ход в игре. Ты читаешь — и что-то меняется. В тебе. В твоей памяти. В твоей воде. Ты не просто узнаёшь что-то новое. Ты **вспоминаешь** что-то старое. То, что было до тебя. То, что будет после тебя. То, что есть сейчас.

Я не знаю, понравятся ли вам эти притчи. Они не весёлые. В них нет шуток. Нет приключений. Нет счастливых концов. В них есть боль. Есть одиночество. Есть смерть. Есть вода, которая уходит. Есть память, которая умирает. Есть игра, которая застывает.

Но в них есть и другое. Есть мальчик, который садится у арыка. Есть девочка, которая говорит с ветром. Есть старик, который вспоминает имя. Есть кумалак, который теплеет в руке. Есть вода, которая возвращается. Есть память, которая оживает. Есть игра, которая продолжается.

5

Как читать эту книгу? Не спеша. Как играть в тогыз кумалак. Не чтобы выиграть. Чтобы вспомнить. Не чтобы узнать. Чтобы почувствовать. Не чтобы понять. Чтобы **быть**.

Можно читать по одной притче в день. Утром. Или вечером. Или ночью. Когда тихо. Когда никто не мешает. Когда слышно, как стучит сердце. Тук. Тук. Тук. Как кумалак по дереву. Как вода по камню. Как память по жизни.

Можно читать вслух. Детям. Внукам. Старикам. Можно читать шёпотом. Себе. Можно читать молча. Степи. Можно не читать вообще. Просто держать книгу в руках. Как кумалак. Как ладонь. Как память. И тепло будет идти. Откуда-то из глубины. Не от бумаги. От рук. От сердца. От жизни.

6

Я не учитель. Я не пророк. Я не хранитель. Я просто человек, который помнит. Который пишет. Который играет. Который ждёт. Я написал эти притчи не потому, что знаю истину. А потому, что ищу её. Вместе с вами. Вместе с мальчиком у арыка. Вместе с дедом на кошме. Вместе с бабушкой у воды. Вместе с кумалаком в руке.

Я написал их, потому что тишина степи — не пустая. Она полная. Полная тем, что было. Тем, что забыли. Тем, что ждёт. И если хоть один человек, прочитав эти притчи, сядет у арыка. Достанет доску. Положит кумалаки. Сыграет. Не чтобы выиграть. Чтобы вспомнить. Тогда я сделал не напрасно.

7

Притчи не заканчиваются. Они идут, как вода. Как арык. Как степь. Как жизнь. Вы прочитаете последнюю страницу. Закроете книгу. Но вода останется. Память останется. Игра останется. В вас. В ваших руках. В ваших детях. В вашей степи.

Девять кумалаков. Девять лунок. Девять притч. Девять ходов. Тук. Тук. Тук. Вода идёт. Медленно. Как время. Как жизнь. Как память. Не забывайте. Помните. Играйте.

Саиа Игин

Аул, которого нет на карте

Год, который никто не считает

Притча первая. О первом кумалаке

В начале не было ни доски, ни лунок, ни игры. Была только степь. И вода. И небо. И ветер.

Ветер спросил у воды:

— Ты помнишь?

Вода не ответила. Она просто потекла.

Ветер спросил у неба:

— Ты помнишь?

Небо не ответило. Оно просто загло звёзды.

Ветер спросил у степи:

— Ты помнишь?

Степь не ответила. Она просто родила камень.

Камень был тёплый. Как ладонь. Как молоко. Как память. Это был первый кумалак.

Старик нашёл его у арыка. Он взял его в руку. Он не знал, что это. Он просто держал. Камень согрелся. Ещё сильнее. Как будто узнал руку. Как будто вспомнил.

Старик сел на кошму. Он положил камень перед собой. Он смотрел на него долго. Потом сказал:

— Это не камень. Это капля. Капля дождя, которую кто-то не донёс до неба. Она упала в степь. Она стала твёрдой. Но она помнит небо. Она хочет вернуться.

Он взял второй камень. Потом третий. Потом девятый. Он положил их в ряд. Девять капель. Девять памятей. Девять жизней.

Он нарисовал на земле лунки. Девять с одной стороны. Девять с другой. Он не знал, зачем. Рука сама. Как вода. Как память. Как жизнь.

Он начал перекладывать камни. Из лунки в лунку. Тук. Тук. Тук. И вода в арыке дрогнула. Не пошла. Но дрогнула. Как будто вспомнила.

Старик играл. Долго. Молча. Только камни стучали. Тук. Тук. Тук. И с каждым ходом что-то менялось. В воздухе. В земле. В памяти. Вода в арыке шла. Медленно. Как время. Как жизнь. Как память.

Пришли люди. Они смотрели. Они не понимали. Они спрашивали:

— Что ты делаешь?

Старик ответил:

— Я играю.

— Во что?

— В тогыз кумалак.

— Что это?

— Это разговор. Земля спрашивает. Небо отвечает. Вода слушает. Я — между ними. Я — мост.

Люди не поняли. Но они сели. Они смотрели. Они слушали. Они запоминали. Потом они взяли камни. Они нарисовали лунки. Они начали играть. Тук. Тук. Тук. И вода шла. И степь цвела. И память жила.

Старик умер. Давно. Но его кумалаки остались. Они тёплые. Как ладонь. Как молоко. Как память. Их держали в руках дети. Внуки. Правнуки. Они играли. Они помнили. Они жили.

Говорят, первый кумалак до сих пор в степи. Его не видно. Но его чувствуют. Когда садишься у арыка. Когда берёшь камень в руку. Когда он теплеет. Это он. Первый. Тот, который степь родила. Тот, который вода согрела. Тот, который ветер научил стучать.

Он не камень. Он капля. Он не капля. Он память. Он не память. Он жизнь. Он — первый кумалак. Он — начало. Он — игра. Он — мы.

Не забывай. Помни. Играй.

Притча вторая. О первой лунке

Когда первый кумалак упал в степь, он не нашёл места. Земля была твёрдая. Как камень. Как сердце, которое забыло. Кумалак лежал на поверхности. Он не мог уйти вглубь. Он не мог стать памятью. Он просто лежал. Тёплый. Но одинокий.

Ветер увидел это. Он сказал земле:

— Ты должна открыться.

Земля не ответила. Она была твёрдая. Как степь в засуху. Как человек, который не хочет слушать.

Ветер позвал воду. Вода пришла. Она не стала литься. Она просто коснулась земли. Легко. Как ладонь. Как дыхание. Как память. И земля вздрогнула. Не от боли. От нежности. Она забыла, что можно быть мягкой.

Вода сказала:

— Откройся. Не для меня. Для него.

Земля посмотрела на кумалак. Он лежал. Тёплый. Одинокий. Как ребёнок, который потерялся. Как старик, которого забыли. Как память, которую никто не тревожит. Земля вздохнула. Глубоко. Как человек, который решился. И открылась.

Первая лунка была маленькая. Не глубокая. Не широкая. Просто ямка. Как след от колена. Как отпечаток ладони. Как глаз, который смотрит в небо. Кумалак упал в неё. Он не провалился. Он остался. Тёплый. Как яйцо в гнезде. Как память в имени. Как жизнь в теле.

Земля сказала:

— Теперь я помню.

Вода сказала:

— Теперь я вижу.

Ветер сказал:

— Теперь я слышу.

А кумалак молчал. Он был дома.

Пришёл старик. Тот самый. Он увидел лунку. Он увидел кумалак. Он сел рядом. Он долго смотрел. Потом сказал:

— Это не ямка. Это ладонь. Земля раскрыла ладонь. Чтобы принять. Чтобы помнить. Чтобы жить.

Он выкопал вторую лунку. Рядом. Потом третью. Потом девятую. Девять лунок с одной стороны. Девять с другой. Он не знал, зачем. Рука сама. Как вода. Как память. Как жизнь.

Он положил кумалаки в лунки. Они легли. Тихо. Как дети в колыбель. Как слова в песню. Как капли в арык. Он начал играть. Тук. Тук. Тук. И вода в арыке пошла. Медленно. Как время. Как жизнь. Как память.

Пришли люди. Они смотрели. Они не понимали. Они спрашивали:

— Зачем ты копаешь землю? Зачем ранишь её?

Старик ответил:

— Я не раню. Я открываю. Земля не может помнить, если она закрыта. Память не может жить, если ей некуда упасть. Лунка — это не рана. Это ладонь. Это ухо. Это сердце, которое слушает.

Люди не поняли. Но они сели. Они смотрели. Они слушали. Они запоминали. Потом они взяли палки. Они нарисовали лунки. Они начали играть. Тук. Тук. Тук. И вода шла. И степь цвела. И память жила.

Старик умер. Давно. Но лунки остались. Они не заросли. Они не высохли. Они ждут. Каждый раз, когда кто-то садится играть, лунки открываются. Как ладони. Как сердца. Как память. Они принимают кумалаки. Они принимают имена. Они принимают жизни.

Говорят, первая лунка до сих пор в степи. Её не видно. Но её чувствуют. Когда садишься у арыка. Когда берёшь камень в руку. Когда он теплеет. Когда кладёшь его в землю. Когда слышишь тук. Это она. Первая. Та, которую земля открыла. Та, которую вода научила. Та, которую ветер благословил.

Она не ямка. Она ладонь. Она не ладонь. Она память. Она не память. Она жизнь. Она — первая лунка. Она — начало. Она — игра. Она — мы.

Не забывай. Помни. Играй.

Притча третья. О том, почему девять

Когда старик выкопал первую лунку, он не считал. Когда он выкопал вторую, он не считал. Когда он выкопал девятую, он остановился. Рука замерла. Сама. Как вода, которая нашла берег. Как память, которая нашла имя. Как жизнь, которая нашла дыхание.

Он сел. Он посмотрел на лунки. Их было девять. С одной стороны. И девять с другой. Он не знал, почему девять. Он просто чувствовал: больше не надо. Меньше нельзя.

Пришёл мальчик. Соседский. Босой. С обкусанными ногтями. Он сел рядом. Он спросил: — Почему девять? Почему не восемь? Не десять?

Старик не ответил сразу. Он взял кумалак. Он положил его в первую лунку. Потом во вторую. Потом в третью. Он говорил тихо. Как будто сам себе:

— Одна лунка — это я. Две — это я и жена. Три — это я, жена и сын. Четыре — это я, жена, сын и дочь. Пять — это дом. Шесть — это скот. Семь — это род. Восемь — это народ. Девять — это память.

Мальчик не понял. Он спросил:

— А десять?

Старик покачал головой. Он сказал:

— Десять — это жадность. Десять — это когда хочешь взять больше, чем можешь удержать. Десять — это когда забываешь, что рука — не мешок. Десять — это когда вода уходит.

Он положил девятый кумалак. Он сказал:

— Девять — это полнота. Это когда есть всё, что нужно. И ничего лишнего. Девять — это как девять месяцев. Как девять сыновей. Как девять звёзд. Как девять капель. Девять — это круг. Это жизнь, которая не кончается. Это память, которая не умирает.

Мальчик задумался. Потом спросил:

— А почему тогда две стороны? Почему не одна?

Старик улыбнулся. Улыбка была как ветер. Как рассвет. Как память. Он сказал:

— Потому что жизнь — это не дорога в одну сторону. Ты делаешь ход — и что-то меняется. Не только у тебя. У другого тоже. Ты берёшь — он отдаёт. Ты отдаёшь — он берёт. Две стороны — это два человека. Два народа. Два времени. Они смотрят друг на друга. Они говорят друг с другом. Они помнят друг друга. Если одна сторона забудет — вода уйдёт.

Мальчик взял кумалак. Он положил его в лунку. Он сказал:

— Я понял.

Старик покачал головой. Он сказал:

— Ты не понял. Ты запомнил. Это лучше. Потому что понимание уходит. А память остаётся. Играй. И вода придёт.

Мальчик играл. Долго. Молча. Только кумалаки стучали. Тук. Тук. Тук. И вода в арыке шла. Медленно. Как время. Как жизнь. Как память.

Он вырос. Он стал стариком. Он сидел у арыка. К нему пришёл мальчик. Босой. С обкусанными ногтями. Он спросил:

— Почему девять? Почему не восемь? Не десять?

Старик улыбнулся. Улыбка была как ветер. Как рассвет. Как память. Он сказал:

— Садись. Сыграем. И ты вспомнишь.

Мальчик сел. Он взял кумалак. Он положил его в лунку. Тук. И вода пошла.

Говорят, с тех пор так и идёт. Один спрашивает. Другой отвечает. Один играет. Другой помнит. И вода не уходит. Пока есть девять. Пока есть две стороны. Пока есть память.

Девять — это не число. Это дыхание. Это круг. Это жизнь. Это мы.

Не забывай. Помни. Играй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.